

На протяжении жизни мне приходилось десятки раз заниматься разборами пьес – всё-таки более сорока спектаклей поставлено, и каждый раз, принимаясь выстраивать событийный ряд и отсеивать всё то, что таковым не являлось, а представляло из себя что-то незначительное, проходящее и именуемое на режиссёрском жаргоне «перипетией», я неизменно и помимо своей воли начинал глуповато, необъяснимо для остальной аудитории улыбаться. При этом многим артистам, участвующим в разборе, чудился за моей улыбкой подвох, но в действительности дело было в одной единственной забавной, но давней истории, постоянно и зримо являющейся мне в этот момент.

По-моему, я ни разу так её никому и не рассказал. То ли она вначале казалась мне не слишком значительной, то ли долго представлялась мало

интересной для людей хоть и театральных, но случайных, не связанных со мною одними воспоминаниями. Теперь время подёрнуло прошлое флёром загадочности и придало ему горьковатый аромат ностальгии. И этот случай, маленький эпизодик, перестал уже быть просто забавным, но сделался чем-то большим, чему я, по правде сказать, не могу пока отыскать определения.

Но вот вам и история.

Тысяча девятьсот семьдесят третий год. Третий курс. Кукольное отделение.

Репетируем сказку. В качестве педагога и режиссёра – Александр Русин. До этого он никакого отношения к нашему курсу не имел. Его и нас соединило обстоятельство чрезвычайное. Мы совершенно неожиданно к началу учебного года оказались без своего мастера – его уволили.

Что касается увольнения главного человека на курсе – это история отдельная, и я не хотел бы её затрагивать. Но последствия данного события требуют определённого упоминания. На нас это произвело возбуждающее действие, подобное лёгкому землетрясению. И если почва под ногами не разверзлась, то заметными трещинами пошла точно.

Факт неожиданного увольнения мастера, помноженный на нашу повышенную (почти профессиональную) нервозность и юношескую маниакальную тягу к отвлечённой справедливости, породил тягостную атмосферу, которая незримой аурой окутала нас (наш курс) и отделила от всех прочих.

Итак, мы репетируем. Точнее репетирует Русин, а мы тихо и, главное, не сговариваясь, саботируем этот процесс, изображая из себя «неумех»: пьеса у нас не поддаётся осмыслению, мизансцены никак не запоминаются, текст вязнет в зубах. Русин хватается за голову, то злится, то уговаривает. Мы глухи к угрозам и безразличны к мольбам. Лишь иногда делаем вид, что стараемся. Но, постаравшись, тут же впадаем в апатию.

Нам тогда казалось, что мы умело всех переигрывали, прикидываясь беспомощными и потерянными. Думаю сейчас – это было правдой отчасти; в большей же степени мы были беспомощными в действительности.

Надо сказать, что Русин был молод, внешне мало чем отличался от нас (его зачастую принимали за старшекурсника), и к нему, к великому теперешнему моему стыду, у большинства из нас было полусерьёзное отношение. Нельзя сказать, что его вообще не уважали (он, кстати, великолепно преподавал фехтование), но позволяли себе с ним фамильярничать. За глаза мы называли его Сашкой, а без пяти минут выпускники и вовсе не стеснялись его так окликать вслух. Вот даже сейчас, особо не жалуясь на память, я не могу припомнить его отчества.

Между тем время идёт, мы репетируем, а никаких успехов при этом не демонстрируем. Наша позиция «фронды» начинает сказываться и на других дисциплинах. Вскоре некая растерянность охватывает большую часть педагогического состава, так или иначе связанного с нами. Спустя малый срок, уже не только Русин злится и беспомощно разводит руками – напрягаются многие.

Предполагаю, мы всех их тогда порядком злили, но, подозреваю, что в то же время всем было нас и жалко. Но что следовало срочно в этой ситуации предпринять, похоже, до поры не понимал никто. Хотя свой приговор нам вынесли, и под горячую руку его, нет-нет, да и озвучивали. «Пропавший курс!» – говорили о нас.

Вот написал и тут же поймал себя на неточности. Был, был человек, который владел необходимым, я бы сказал, универсальным, то есть применимым к любым сложным обстоятельствам рецептом! Беда в том, что ему никто не внимал. Секретарь директора, дама преклонных лет и старой, едва ли не большевистской закалки, с кавалерийской резкостью и чекистской прямоотой неоднократно заявляла во всеуслышание: «Гнать всех взащей!» Должно быть, клубы папиросного дыма (она курила папиросы) и треск пишущей машинки (её рабочий инструмент) невольно

ассоциировались у неё с дымами полей сражений и стуком неутомимых станковых пулемётов и одним этим не давали ей расслабиться и утра- тить пролетарскую бдительность.

И вот тут я уже вплотную подобрался к самой истории.

Однажды на репетицию всё той же несчастной сказки к нам явил- ся Валерий Семёнович Соколоверов – Мастер с большой буквы, непре- рекаемый авторитет, педагог от Бога. Его приход был неожиданным и встряхнул наши сонные мозги. Мы и подтянулись, и насторожились.

А Валерий Семёнович, рассевшись вальяжно, по-барски, и в то же время абсолютно естественно (как он это умел) за столом по левую руку от Русина, предложил нам продемонстрировать ему наши творческие потуги. Ну, мы и продемонстрировали, уверенные, что приведём в ужас уважаемого человека.

*В. С. Соколоверов.
Фото А. Мюрисена*

скудным представлениям, его способность заглядывать в самые глуби- ны любой пьесы, легко, ненавязчиво открывая эту бездну и нам, я мог сравнить только с искусством мифических филиппинских врачей, без скальпеля, лишь при помощи загадочных пасов кистей рук и пальцев, проникающих в глубины человеческого организма.

– Давайте пройдемся по событийному ряду, – предложил он Русину.

– Давайте, – согласился тот с плохо скрываемой обидой, потому как был уверен, что в этом направлении походил уже и сам основательно.

Открыли пьесу на первой странице. Соколоверов принялся читать. Дочитав до конца какой-то эпизод, спрашивал:

– Событие?

– Событие, – соглашался Русин.

Читал дальше.

– Событие?

– Нет, перипетия.

– Верно – перипетия!

И пошло:

– Событие?

– Событие.

– Перипетия?

– Перипетия.

– Событие?

– Событие.

И вдруг:

– Перипетия.

– Событие!

Соколоверов даже голову откинул, с недо- умением взвзрыс на молодого коллегу.

– Какое же это событие? Абсолютная пере- петия!

Но Соколоверов на наше безуслов- ное безобразие отреагировал спокойно. С его лица не сходила неизменная по- луулыбка – и в процессе нашего показа (мы поглядывали иногда в его сторону), и позже, когда, сыграв финал, пригото- вились к моральной порке. Но он затя- нулся папиросой (а курил он много во время репетиций) и сказал задумчиво:

– Мне кажется, вы плоховато разо- брали пьесу.

Сегодня об умении Валерия Семёно- вича разбирать и анализировать драма- тургический материал я вспоминаю с восхищением и с толикой чисто режис- сёрской зависти. А тогда, по тем моим

*А. Русин.
Фото А. Мюрисена*

– Событие, – позволил себе Русин неожиданное упрямство. Причём в большей степени оно было неожиданным для самого Русина – в его глазах мелькнул испуг. Но он повторил:

– Событие...

– Перипетия, – попытался старший уговорить младшего. Но «коса нашла на камень» – Русин стоял на своём!

Мы превратились в зрителя, совершенно случайно попавшего на спектакль со странным сюжетом. Странен был и жанр этой постановки – что-то среднее между производственной драмой и комедией характеров. Нам было то смешно (смешна была молодая задиристость), то грустно (жалко было поколебленный авторитет).

Соколоверов краснел от невероятной наглости представителя молодого поколения, Русин бледнел от внезапной и неизвестно откуда явившейся храбрости.

– Перипетия!

– Событие!

Нас они не замечали давно, а вскоре перестали смотреть и друг на друга.

– Где тут событие? – язвительно вопрошал Соколоверов, при этом почему-то обращаясь к потолку.

– А какая же это перипетия?! – восклицал Русин, демонстративно ожидая ответа от всё того же потолка. Потолок хранил молчание. Похоже, он держал нейтралитет.

И словесная дуэль набирала темп и напитывалась страстью. В зависимости от голосового тембра и интонации можно было вообразить в руках у дуэлянтов то изящные французские рапиры, то тяжёлые скандинавские топоры.

Было очевидно, что никто из них, как говорится, «сбавить обороты» и, тем более, «сдать назад» без потери лица уже не сможет. И они продолжали этот спор с минимумом аргументов, но максимально используя голосовую и интонационную палитру.

Мастер «сложил оружие» первым. Он вдруг резко встал, резко схватил со стола пепельницу (он всегда приносил её на репетиции) и так же непривычно резко, без обычного лёгкого шарканья по полу, проследовал к двери, бросил напоследок: «Читайте текст, молодой человек!» – и вышел из аудитории, хлопнув дверью.

Впрочем, по поводу «хлопанья дверью» утверждать не берусь. Может, это сейчас такой уход видится мне логичным. Хотя, если вспомнить Валерия Семёновича, его мягкую, я бы сказал «лисью» интонацию, его осторожную, почти подкрадывающуюся походку, трудно вообразить подобное. Но, с другой стороны, чего только с людьми не случается.

Тем и кончилась та репетиция. Так мне, по крайней мере, помнится. Сразу скажу: сказку мы домучили – не вдруг и уже с другим мастером; и вообще всё постепенно вошло в привычное русло и побежало к известному финалу – экзаменам и дипломам.

Прошли не годы – десятилетия, память хранит многое из тех далёких славных времён. И этот эпизод тоже...

Вот только одно занимает меня с некоторых пор: хотелось бы знать, чем эта история тогда явилась для нас – событием или перипетией...

2017. Октябрь